

Е. В. Радаев

«МАНЬЧЖУРСКАЯ ТЕТРАДЬ» П. С. КОМАРОВА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ 1945 ГОДА

В статье поднимается проблема отражения военной повседневности в августе – сентябре 1945 года в лирике дальневосточного поэта П. С. Комарова. Через произведения сборника стихотворений «Маньчжурская тетрадь», написанного под впечатлением от Маньчжурской стратегической наступательной операции, в которой П. С. Комаров принимал участие в качестве военного корреспондента, даётся характеристика настроениям, царившим среди красноармейцев, и их чувствам на фоне исторических событий.

Ключевые слова: Советско-японская война, Маньчжурия, П. С. Комаров, история повседневности, Дальний Восток.

В 2025 году исполнилось 80 лет с момента окончания Второй мировой войны, самой жестокой и масштабной международной бойне в истории. Мы с болью в сердце провожаем эту памятную дату, которая сама по себе поднимает интерес именно к человеческому измерению войны, к тому, как жили и что чувствовали люди на фронте. Именно эту сторону истории изучает так называемая военная повседневность, буквально ежедневная жизнь в условиях войны, с её бытом, службой, досугом и экстремальными испытаниями.

Советский поэт Пётр Степанович Комаров — яркий представитель фронтовой литературы, чьё творчество позволяет заглянуть в мир военной повседневности. Комаров был дальневосточным поэтом и журналистом, который в августе 1945 года участвовал в Маньчжурской кампании в качестве военного корреспондента. Ещё в начале Великой Отечественной войны он писал: «На фронт уехало много моих друзей и товарищей. А я, чтобы не остаться в долгу перед фронтовиками, использую, как могу, своё оружие — стихи. Пишу много и, может, не всегда удачно. Но молчать не могу!» Эти слова отражают стремление представителя творческой интеллигенции внести свой вклад в общее дело. Пётр Комаров по состоянию здоровья не служил в действующей армии на Западном фронте, но когда в 1945 году СССР, исполняя обязательства перед союзниками, пошёл войной на Японию с целью освобождения китайского народа Маньчжурии, Комаров тут же откликнулся на возможность «стать свидетелем исторических событий».

Для историков и литературоведов сейчас актуально исследовать повседневную жизнь советских бойцов через свидетельства их современников —

дневники, переписку, фронтовые стихи. Поэтический цикл П. Комарова «Маньчжурская тетрадь» — один из таких ценных источников. Он отражает опыт рядового солдата-победителя, увиденный глазами поэта, и сочетает документальность с художественным переосмыслением. Анализ этого цикла становится особенно актуален в вопросе восприятия красноармейцами новой войны, на которую они отправились сразу после взятия Берлина.

Летом 1945 года П. Комаров был командирован на фронт Советско-японской войны в составе группы военных корреспондентов. Ему и другим писателям поручалось фиксировать жизнь местного населения при японской оккупации, события похода и встречаться с бойцами. Они ездили с частями 1-го Дальневосточного фронта, общались с солдатами и жителями освобождённых городов. Итогом этой поездки и стал цикл стихотворений «Маньчжурская тетрадь». Жанрово этот цикл можно определить как лирико-публицистический дневник: стихи расположены в хронологическом и географическом порядке — по маршруту наступления советских войск.

Комаров фиксирует впечатления по мере продвижения фронта — от границы СССР до портов Маньчжурии. Каждое стихотворение помечено либо датой, либо названием места. Таким образом, цикл превращён в поэтический путевой журнал освобождения. Подобная форма сочетает личные переживания с документальной точностью, что было характерно для литературы военных корреспондентов. Недаром темы, поднятые Комаровым, во многом перекликаются с фронтовыми очерками хабаровских журналистов о благодарности китайского народа советским освободителям, о прославлении Родины и героизма её сынов.

Говоря о публикации и эволюции текста, следует отметить один любопытный факт. В первой редакции «Маньчжурская тетрадь» завершалась стихотворением «3 сентября 1945 года», прославлявшим Победу и непосредственно связавшим её с именем Сталина. Это соответствовало духу времени, когда роль Верховного Главнокомандующего была частью официального нарратива Победы. Однако в изданиях, вышедших в тираж после смерти Сталина, цикл был перестроен: заключительным стало стихотворение «Амур после грозы», в котором никакого вождя уже нет. Вместо этого символом мирного исхода войны выступает сама природа — успокоившаяся река Амур, раскинувшая «семицветный мост» радуги между берегами, ранее разделёнными враждой. Эта изменённая композиция отражает трансформацию взглядов: от идеологически заданного финала к более философскому, универсальному осмыслению итога войны. Историческое значение «Маньчжурской тетради»

безусловно — в ней прослеживается, как образ войны адаптировался к новым эпохам, сохраняя при этом живую ткань фронтового опыта 1945 года.

«Маньчжурская тетрадь» богата образами, раскрывающими различные стороны военной повседневности: от боевого быта до взаимоотношений с мирным населением. Комаров, как поэт-очевидец, зафиксировал множество типичных ситуаций, с которыми сталкивались солдаты в походе, и придал им художественную форму. Рассмотрим некоторые из наиболее показательных эпизодов цикла, связанных с бытом, службой, окружающей средой и эмоциями бойцов.

Военно-полевой быт и трудности похода. В ряде стихотворений Комаров обращается к топографии и природным условиям Маньчжурии, подчёркивая роль среды в ежедневной жизни армии. Так, в стихотворении «Сунгарийские болота» рисуется картина тяжёлого марш-броска через заболоченные низины: «Бездонные топи. Озёра. Болота. / Зелёная, жёлтая, рыжая мгла. / Здесь даже лететь никому неохота — / А как же пехота всё это прошла?..» В этих строках — изумление перед выносливостью советских солдат, сумевших преодолеть то, что казалось непреодолимым. Обыденный солдатский подвиг — переход через болото с тяжёлым снаряжением — раскрыт через риторический вопрос, которым поэт как бы приглашает читателя восхититься стойкостью пехоты.

Подвиг этот находит отражение также и в газетном очерке А. Гая (см. «Через реки, топи, болото»), где описывается тот же эпизод форсирования поймы Сунгари. Комаров же, владея силой метафоры, сумел несколькими строками передать атмосферу напряжённого труда, ставшего фронтовой рутинной.

Жизнь оккупированных мест и служебная деятельность освободителей. Другой важный пласт цикла — зарисовки из недавно освобождённой Маньчжурии, которые показывают враждебную обстановку, с которой столкнулись наши воины, и их действия по наведению порядка. В стихотворении «Санчагоу» поэт погружает читателя в гнетущую тишину небольшого маньчжурского городка, где годами хозяйничали оккупанты. Ночная улица при японцах выглядит жутковато-безмолвной: «Днём — патрули. И ночью — патрули. / И тишина. И ничего другого... / Кругом покой. Шаги одни и те же». Деталь за деталью восстанавливается образ типичной оккупационной повседневности: вместо стёкол в окнах — бычьи пузыри, на колышках частокола наглядное устрашение — «две головы казнённых за мятеж, как чёрные горшки на частоколе». Тишина становится осязаемым символом

насаждённого страха. Но кульминацией мини-сюжета является действие советских бойцов: «Мы расстреляли эту тишину, / Когда входили в город Санчагоу». Буквально парой строк Комаров передаёт суть происходящего — момент штурма, когда советские воины ворвались и разрушили давящий застой оккупации. Мы видим весьма типичный эпизод службы: вступление в захваченный врагом город, ликвидация очагов сопротивления.

Одновременно здесь проявляется и публицистическая задача: подчеркнуть, какое зло (казни, грабёж, страх) несли японцы-милитаристы местному населению, и ещё раз акцентировать внимание читателя на необходимости освободительного похода. Комаров, как и многие фронтовики, изображает врага предельно негативно — жестоким, коварным, сеющим ужас. Этот художественный приём согласуется с тем, как участники Советско-японской войны вспоминали японцев, акцентируя их жестокость и фанатизм, что отражено и в военных очерках (см. «Лицо врага» того же А. Гая). Таким образом, образ врага в цикле выписан через призму повседневного опыта солдат: бесконечные патрули, страх местных жителей, необходимая бдительность на каждом шагу.

Взаимодействие с мирным населением. Одно из центральных мест в «Маньчжурской тетради» занимают сцены, показывающие контакты советских воинов с гражданским населением Китая. Эти эпизоды проникнуты теплотой и гуманизмом, они раскрывают человеческое лицо войны. Например, стихотворение «Фарфоровая ваза» повествует о встрече танкового экипажа с молодой китайкой в деревне. Девушка, много лет не видевшая хлеба и жившая впроголодь, выносит навстречу освободителям своё самое ценное достояние — старинную расписную вазу, сохранившуюся у неё в неволе. Этот жест — своего рода замена традиционного хлеба-соли, символ искреннего гостеприимства. Русский солдат бережно возвращает подарок, понимая, что в походе фарфор ни к чему, и у женщины стоят слёзы радости: «Ты ей вернул фарфоровую вазу... Но на душе теплее стало сразу, / И легче стало сердцу твоему». Комаров поясняет смысл эпизода так: «Ты не забудешь... Что всюду был — от Праги до Китая — / Желанным гостем русский человек». Здесь простая бытовая сцена обретает символическое значение: советский солдат выступает как долгожданный гость-освободитель и в Европе, и в Азии.

Подобные эпизоды благодарности повторяются в цикле неоднократно. В стихотворении «Вечер на Сунгари» поэт слышит, как на берегу реки местные девушки поют по-русски «Катюшу», а благодарные маньчжурцы на ломаном

русском кричат бойцам слова признательности. В «Харбине» он описывает массовое ликование населения при встрече Красной армии: старики падают на колени, дети карабкаются на плечи бойцов, цветы и флаги повсюду — сцены братания, напоминающие Пасху или народный праздник. Эти свидетельства сочетаются с прозой других очевидцев: корреспонденты отмечали «тот особый приём, который был оказан воинам Красной армии» в городе русской белой эмиграции Харбине. Таким образом, через поэтические образы Комаров документирует важный аспект фронтовой повседневности — общение солдат с местными жителями, где вчерашние враги становятся друзьями и освободителями.

Эмоции бойцов: от ненависти к врагу до радости Победы. Комаров мастерски передаёт широкий спектр эмоций, которые переживали советские солдаты в августе 1945-го. Начало цикла окрашено чувством праведного гнева и мести. Недаром первый стих озаглавлен «9 августа 1945 года» — это день вступления СССР в войну с Японией — и сразу отсылает к прежним обидам на японцев. Поэт напоминает о событиях Гражданской войны и интервенции: «Нет, мы ничего из того не забудем, / С чем шёл к нам японец в двадцатом году». Комаров упоминает сёла, сожжённые японскими интервентами, казни и пытки, перенесённые дальневосточниками в 1918–1922 годах. Эта историческая память выливается в сильный призыв: «И ненависть наша сегодня окрепла. <...> Теперь автомату — законное слово, / Вперёд, мой товарищ! / На праведный бой!» Эти строки отражают настроение многих советских бойцов летом 1945-го: война с Японией воспринималась как логическое продолжение Великой Отечественной, шанс поквитаться не только за союзников, но и за старые обиды России (поражение 1905 г. и интервенцию). Как показывают исследования отечественных авторов, в сознании советских военнослужащих дальневосточная кампания 1945 года действительно связывалась с выполнением долга перед историей: бойцы говорили, что «надо добить врага» и окончательно закрыть гештальт войны. Комаров через художественный образ объединяет эти смыслы — месть за прошлое и завершающий удар во Второй мировой.

По мере развития сюжета цикла тональность сменяется на более светлую и лиричную. С приближением победы на первый план выходят радость, облегчение и гуманизм. Кульминацией эмоциональной линии является финал цикла, описывающий капитуляцию Японии и торжество победы. В стихотворении «На сопках Маньчжурии» поэт возвращается к символическому для русской памяти месту — тем самым маньчжурским сопкам, где когда-то,

в Русско-японскую войну, звучала траурная мелодия о погибших. Но теперь контекст иной: «Снова мы здесь, / На сопках Маньчжурии снова, / И так же вокруг непогода шумит. <...> Да мы-то уже не такие! / Мы только вчера / Прошли всю Европу с тобою, / На Дальний Восток из Берлина пришли, / Готовясь к последнему бою».

В этих строках — гордость за пройденный путь и осознание собственной силы. Советский солдат 1945 года — закалённый победитель, прошагавший от Волги до Эльбы и вот теперь стоящий в Маньчжурии, чтобы поставить точку в мировой войне. И эта точка поставлена: следом идёт стихотворение «3 сентября 1945 года», где запечатлён момент всеобщего ликования.

Таким образом, через образы и сюжеты «Маньчжурской тетради» нам открывается панорама повседневной жизни советских солдат в августе – сентябре 1945 года. Мы видим солдат в бою и на привале, в общении с врагом и с друзьями, среди незнакомых пейзажей и в кругу благодарных жителей. Комаров показал, что великая историческая победа складывалась из множества малых эпизодов и солдатских будней, проникнутых то суровой необходимостью, то человечностью. Эта художественная мозаика дополняет официальную историю войны живыми деталями, делая далёкие события ощутимыми и понятными.

Пётр Комаров в «Маньчжурской тетради» запечатлел образ советского солдата, который одновременно отвечал канонам соцреализма и превосходил их. Его поэтический взгляд сформировал представление о советском воине как о «богатыре с человеческим лицом» — сыне мудрой страны, несущем свободу другим народам не только силой оружия, но и силой духа, культуры, гуманизма.

В год 80-летия Победы мы обращаемся к этим стихам как к уникальному историческому документу и художественному свидетельству. Они учат тому, что в каждодневных фронтовых буднях 1945 года уже зарождались семена будущего послевоенного мира — в жестах гуманизма в отношении освобождённых, в уважении к союзникам, во всеобщей радости от долгожданной Победы. И потому военная повседневность в изображении Комарова — это не только окопный быт или тяготы похода, но и повседневный героизм души советского солдата, благодаря которому та Великая Победа стала возможна.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Александрова-Осокина, О. Н. Великая Отечественная война в лирике П. С. Комарова / О. Н. Александрова-Осокина, Х. Цзянь // МНКО. — 2020. — № 1 (80). — С. 259–261.
2. Комаров, П. С. Доклад П. С. Комарова на собрании писателей края 6 июля 1945 г. // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-1740. Оп. 1. Д. 16.
3. Комаров, П. С. Избранное / П. С. Комаров. — Хабаровск : Кн. изд-во, 1992. — 256 с.
4. Комаров, П. С. На сопках Маньчжурии : стихи / П. С. Комаров. — Хабаровск : Дальневост. гос. изд-во, 1946. — 61 с.
5. Комаров, П. С. Стихи, наброски стихов разных лет. Записная книжка, 1945 г. / П. С. Комаров // ГАХК. Ф. Р-1740. Оп. 1. Д. 6.